

8. Alymova, E.V. (2020) Sokrat, ktorogo ne znali (nekotorye zametki o tom, kakim videli Sokrata mezhdru Antichnost'yu i Rennansom) [The Socrates they didn't know (some notes on how Socrates was seen between Antiquity and the Renaissance)]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii – Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. Vol. 21. 21 (4-2). pp. 36–45.
9. Atlanov, D. Yu. (2024) *Filosofskaya antropologiya. Sistemnyj podhod* [Philosophical anthropology. A systematic approach]. Moscow: Izdatel'skie resheniya.
10. Platon (1993). *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl.
11. Kiselev, A.F. & Lubkov, A.V. *Chelovek v zerkale stoletiy. Poiski idealov lichnosti ot Antichnosti do nashikh dney* [The man in the mirror of centuries. The search for the ideals of personality from Antiquity to the present day (World History)]. Moscow: Veche.
12. Aristotle. (1978) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl.
13. Aristotle. (1981) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Vol. 3. Moscow: Mysl.
14. Aristotle. (2020) *Nikomahova etika* [Nicomachean ethics]. Moscow; Berlin: Direkt-media.
15. Komarov, S. (2024) *O duhovnom edinstve cerkvi* [On the spiritual unity of the Church]. [Online] Available from: <https://pravoslavie.ru/114568.html> (Accessed: 15.07.2024).
16. Hrapov, S.A. & Vyalova E.G. (2013) *Konceptualizaciya kategorii "identichnost'" v istoriko-filosofskom i kul'turno-filosofskom diskursah* [Conceptualization of the category of “identity” in historical-philosophical and cultural-philosophical discourses]. [Online] Available from: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_7-1_55.pdf (Accessed: 25.07.2024).

УДК 008

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-33-43

С.В. Кудряшов

ФЕНОМЕН СУИЦИДА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОМАНТИЧЕСКОГО МИФА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением особой формы суицида в романтизме, а также определяются его типологические характеристики. Указывается на структурные изменения, произошедшие в системообразующих элементах культуры европейского типа вследствие появления романтических тенденций; выявляется связь структурных изменений в культуре и родовых признаков суицида в романтической мифологии. Производится анализ трансформации романтического мифа в связи с суицидальными ситуациями. На основании конкретных примеров осуществляется иллюстрирование описываемого процесса. Подчеркивается, что актуальность сведений в данной области важна для анализа и изучения типологически сходных современных суицидальных ситуаций.

Ключевые слова: романтический миф, суицид, культура, родовые признаки, системообразующие элементы культуры, эстетический пессимизм, гомеостазис, структурные изменения в культуре, нигилизм.

Актуальность темы исследования. Суицид в современном мире становится устойчивой моделью поведения среди людей разных возрастов. За последнее время «число случаев суицида среди лиц в возрасте 15–24 лет возросло в два раза, среди

причин смертности во многих развитых странах они занимают 2–3 места» [1], а «большая часть суицидентов находится в возрасте от 13 до 45 лет» [1]. Суицидальное поведение в пожилом возрасте тоже приобретает устойчивые формы и начинает выступать как «актуальная проблема общественного здравоохранения» [2. С. 3]. Изучение суицида в различных областях знания сводится, в первую очередь, к его причинности, определяемой по-разному. Как правило, в суицидологии причины, связанные с добровольным уходом из жизни, определяются симптомами, сопряженными со страданием, которое, в свою очередь, определено несоответствием реального ожидаемому, соизмеряемому с психическими потребностями человека, то есть «суицид является уникальной человеческой реакцией на невыносимую душевную боль – боль, порожденную человеческим страданием» [3. С. 266]. Медицинский аспект осмысления проблематики суицида уводит вопрос в сторону психических заболеваний. С точки зрения культурологии проблематика суицида во многом находится в поле культуры, хотя сразу можно отметить тот факт, что это общее замечание пусть и справедливо, но нуждается в уточнении и конкретизации, о которых как раз и пойдет речь в данной статье. Дело в том, что суицид как феномен может выступать следствием структурных изменений в системообразующих элементах культуры, и исследования в этой области становятся актуальными.

Степень научной разработанности проблемы. Конкретизация феномена суицида в рамках романтического культурного течения позволяет нам сказать о том, что предпосылки его причинности мы можем найти в общих исследованиях романтического мифа – в различных его характеристиках, в первую очередь тех, которые касаются нигилистических тенденций. Здесь становятся важными работы Р. Гайма, В.М. Жирмунского, Н.Я. Берковского и других исследователей романтизма, которые, показывая динамику романтического мифа, высвечивают различные его характеристики. Но есть и конкретизация проблематики, например, в исследованиях Л. Мегрона, Ш. Луандра и др., которые описывают романтический суицид как самостоятельный феномен. Зависимость же романтического суицида от структурных изменений в системообразующих элементах культуры рассмотрена еще недостаточно, находится в дискуссионном поле, в связи с чем исследования на эту тему остаются актуальными.

Цель исследования – изучение, анализ и обобщение проблематики романтического пессимизма, связанной с исследованиями суицида как следствия структурных изменений в системообразующих элементах культуры.

Задачи исследования:

- типологизация романтического суицида;
- обозначение структурных изменений, произошедших в системообразующих элементах культуры европейского типа вследствие появления романтических тенденций;
- выявление связи структурных изменений в культуре и родовых признаков романтизированного суицида в романтической мифологии.

Аналитическая часть исследования. Культура как система представляет собой цельный феномен, обладающий гомеостатическими качествами, позволяющими ему сохранять свои существенные признаки. То есть «культура как целостное образование представляет собой самодостаточную сущность, развивающуюся в силу внутренне присущего ей динамизма или импульса» [4. С. 137], из чего следует, что культура представляет собой систему, внутреннее и внешнее функционирование которой, а также принципы ее структурной организации, что важно, «определяются не извне, а изнутри» [4. С. 137]. Как и во всякой системе, в культуре могут происходить структурные трансформации, влекущие за собой качественные изменения на уровне базовых системообразующих элементов. То есть изменения начинают относиться к культурному паттерну, и культура на уровне своих эталонных компонентов начинает видоизменяться. Эти изменения можно рассматривать, во-первых, как следствие естественных процес-

сов, влекущих за собой трансформации, происходящие в любой динамической системе, а во-вторых, как воздействие привнесенных (как извне, так и изнутри) факторов, которые можно оценивать и по конструктивным, и по деструктивным критериям. В нашем случае, когда мы говорим о тенденциях романтического течения в культуре, принципы исследования соответствуют данной схематике. Романтический миф со времен своего становления начинает видоизменяться, трансформироваться. Эту трансформацию мы можем исследовать не только в постромантических культурных течениях, но и в самом романтизме как самодостаточном направлении культуры, отслеживая качественные модификации на всех стадиях его развития.

Можно сказать, что романтизм в своей собственной динамике имеет два аспекта. Один из них можно назвать естественным, продолжающим линию культуры европейского типа в ее собственном поступательном движении, сравнимым с жизнью любого организма или системы, другой же определяется факторами, возникающими внутри этого течения, исходя из его собственных импульсных характеристик, среди которых можно найти довольно проблематичные. Чтобы обозначить эту проблематику, важно сказать о том, что романтизм, как метод и как направление, в лице первых своих основоположников, изначально ставил задачу по организации нового мироощущения, своего рода реабилитации, в которой человек должен был выйти за границы просвещенческого рационализма и в своем идеальном естестве обрести синтетическое единство с природой. Природа была противопоставлена здесь иным первоосновам бытия и наделена сакральной спецификой. Это привело к тому, что самосознание представителей романтического течения, уже нерелигиозное по своей сути, создает свою собственную квазирелигиозную сферу, в которой размытые понятия добра и зла во многом становятся следствием проникновения внешних сил хаоса, выступавших архетипическими фигурами в европейском фольклоре, где полярность, как таковая, имеет неопределенный характер.

Ранее, еще в предромантическую эпоху, акценты в культуре находились в рамках четко обозначенной дихотомии «добро – зло», состоявшейся в культуре в ходе культурно-исторического становления, но в романтизме эта конкретизация снова оказалась утраченной в пользу неразделимости того и другого. В ситуации этой концептуальной неоформленности на первый план выходит конкретика переживания, как единственно объективная оценка. Хаос становится полноправным компонентом мирового континуума, одним из его модусов – наряду с идеализмом, мечтательностью, экзальтированностью, ирреальностью и т. д.

В ситуации, когда идеальный образ мира начинает находиться в постоянном противопоставлении реальности жизни, постепенно все большее внимание романтика начинает сосредоточиваться на «зловещей» составляющей бытия, а носители зла вдруг становятся в чем-то привлекательны, загадочны и трагичны. Но именно с этого момента главным направлением романтической мысли становится исследование глубин человеческой души и идентификация того, что обычно обозначают как «я». То есть постепенно романтические концепты, касающиеся ностальгической тяги к реалиям средневековой жизни и исследований в области фольклора, воплощенные изначально преимущественно в художественных произведениях, – становятся отраслью философских концепций, ищущих в человеческой душе некую «оборотную сторону» сущности человека и зачастую представляющих ее как базовый элемент бытия.

Уже здесь мы видим структурные изменения в культуре, во многом определяемые в связи с трансформацией романтического мифа, приводящие к ситуации эстетического пессимизма. Соизмерять культуру и эстетику можно по разным параметрам, однако, в любом случае, эстетическое восприятие окружающего мира человеком имеет фундаментальный онтологический статус, содержащий «выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность» [5. С. 223], –

предметности, вытекающей из внутреннего состояния индивида, определяемого ментальными установками, – то есть тем, что составляет предмет как эстетики, так и культурологии и находится в сфере исследования бытия в его совокупном единстве объективного и субъективного в метафизической плоскости.

Метафизика романтика во многом связана со спецификой его идеализма, поэтому и эстетика романтизма восходит к замыслу об идеальном мире, который выступает чисто умозрительным конструктом, не соответствующим действительности. Исходя из этого, мы можем говорить о противоречии оптимистического замысла (или ожидания) и пессимистического разочарования, вследствие чего метафизический характер эстетического опыта сохраняется, но приобретает безысходный характер, поскольку субъективное романтика, привязанное к собственной системе ценностей, начинает создавать особый тип метафизической реальности, в котором на уровне «внутреннего» создается либо ситуация имитации, либо пустоты. Именно в этой ситуации и начинает проявляться проблематика эстетического пессимизма и формируется концепция потустороннего отношения человека к тому, что происходит в мире.

Мир становится всего лишь представлением индивида или объектом, связанным с субъектом только по той причине, что тот его созерцает. Но мир еще и «воля» А. Шопенгауэра, которая, хотя и находится в состоянии стремления, в этом стремлении не ставит перед собой никакой достижимой цели. А раз нет цели – нет и результата, то есть даже гипотетического конечного удовлетворения или счастья. В жизни, по сути дела, остается только страдание, от которого единственным спасением может быть лишь уничтожение воли к жизни, и – как следствие – уничтожение принципа индивидуализации, который становится легитимным в переходе в небытие.

От человека в этой ситуации перестает что-либо зависеть. У него уже нет выбора, он всего лишь инструмент любой непреодолимой силы: мировой воли, исторического процесса эволюции, либо чего-то иного. И эта пессимистическая ситуация приводит к переоценке ценностей и к появлению массового нигилизма. Нигилизм же, кроме абсолютного отрицания бытия как такового, отрицает возможность познания истины, а также существование аксиологических принципов, утверждая, по сути дела, то, что в жизни нет ничего, к чему следовало бы стремиться и во имя чего следовало бы жить. И когда эти нигилистические принципы раскрываются в полной мере, человеческое существование становится не более, чем призрачным и бессмысленным.

Есть попытки обнаружить нигилизм в разных культурно-исторических эпохах, начиная с глубокой древности, например, в концептуальных построениях буддизма, показывающих бессмысленность любого морального действия. Однако они находятся вне пределов культуры европейского типа, имея иное смысловое начало. Тот же буддизм, рассматривая нирвану как место небытия, тем не менее, выстраивает внятное учение для ее достижения, где нет спонтанности, стихийности и случайности. Так что мы можем сказать, что нигилизм как устойчивый онтологический феномен появился не прежде конца XVIII – начала XIX века, то есть «опыт нигилизма в качестве совершенной реальности возникает не ранее, чем в романтизме: первые нигилистические опыты ставили именно романтики» [6. С. 78]. Именно романтизм, в своей целостной сути, не выступая нигилистическим движением, тем не менее, синтезировал в своей среде первые опыты нигилизма.

Как уже указывалось выше, именно здесь нужно искать начало структурной трансформации культуры европейского типа – на уровне базовых системообразующих элементов. Ранее – начиная с первобытности, через более совершенные типы культуры и до появления собственно культуры европейского типа – мир в сознании человека был самоценен и противоположен разрушительным силам хаоса. Нигилистическое же мировоззрение, ставшее в чем-то составной частью романтического разочарования, постепенно начинает искоренять прежнюю картину целостности бытия, например, в ее

христианском аспекте, где все – и «верх» и «низ», в совокупности рассматриваемые как Божие творение, – фигурируют как в виде единой самодовлеющей ценности, так и вообще – в виде средоточия самого бытия. Структура культуры претерпевает необратимые изменения, и в этих изменениях, в том числе, мы видим причины неустойчивости душевного состояния романтика, состоящего из переживаний и эмоций, оторванных от единства бытия и мира. Именно здесь мы видим смещение акцента, характерного для основных смыслов данной культурной эпохи, и именно это смещение «служит ключом к изучению основных онтологических и гносеологических проблем культуры» [7. С. 4]. К тому же здесь, в том числе, мы видим истоки такого феномена, как романтизированный суицид, в котором уход из жизни выступает не способом решения неразрешимых проблем, а культурно значимой моделью поведения, когда «смерть, вопреки обычной логике, становится воспринимаемой предпочтительнее и прекраснее жизни, и суицид проявляет себя некой точкой бифуркации, в которой ... соединяются вместе все модусы и доминанты конкретной человеческой судьбы» [8. С. 170]. И к тому же смерть становится напрямую связанной с аксиологическими функциями эстетической культуры, причем в пределах мироощущения, как указывалось ранее, уже нерелигиозного человека, но со своим собственным квазирелигиозным мотивом.

Специфический характер романтического суицида можно обусловить добровольным уходом из жизни, заданным параметрами структурных изменений в культуре, связанных с разрушением смысловых ориентаций, и чисто романтической реализацией религиозного чувства в эстетической плоскости, в которой «ставка на ничто как основание и первопринцип собственных философских построений» [9. С. 67] имеет ключевое значение. Эстетический суицид явился одной из отрицательных сторон романтического культурного течения, однако эта частная проблема стала не только новой, но и необычайно актуальной. К 30-м годам XIX века ей начали уделять все более значительное место в общественной и научной мысли того времени.

Действительно, примерно с 1830 года, когда первоначальный импульс романтизма, давший ему родовые признаки, начал превращаться в устойчивую тенденцию, количество эстетических самоубийств значительно выросло. Акт лишения себя жизни стал элегантным, изысканным и в чем-то изящным действием, своего рода роковой забавой, – декларацией утонченного человека по отношению к миру, который не устраивает его своей несуразностью. «*Mal du siècle*» («болезнь века», *фр.*) – термин, выступающий как расхожее отображение тотального разочарования, навеянного пресыщением и меланхолией, становится устойчивым выражением болезненного мироощущения, связанного, в том числе, и с отвращением к жизни.

Родом этот термин из ранних романтических текстов – можно в этой связи вспомнить повесть Ф.-Р. де Шатобриана «Рене» («*René*», 1802 г.). В названии мы видим имя молодого человека, в натуре которого отображаются все отрицательные характеристики носителя романтического мифа: непостоянство вкусов, меланхолия, разочарование, печаль сердца, противопоставление себя обществу, слепое влечение к чему-то неизведанному (но заведомо позитивному). Все это в совокупности складывается у героя в отвращение к жизни на уровне своего рода недуга, который Ф.-Р. де Шатобриан и называет «болезнью века». Теоретики романтизма, понимая суть проблемы, обозначали возможный позитивный выход их состояния «*mal du siècle*». Тот же Ф.-Р. де Шатобриан в своей повести словами одного из героев говорит о том, что человек не может считать себя аристократом духа, неким возвышенным страдальцем только потому, что все вокруг кажется ему постылым, что нужно всегда искать себя в социальном взаимодействии, поскольку это согласуется с человеческой природой. Однако к 30-м годам XIX века «*mal du siècle*» обернулась эпидемией неврастенического толка, причем уже концептуально обоснованной, сложившейся в форму фантас-

тической, идеалистической доктрины, претендующей на своеобразную разновидность поэтического восприятия бытия, не выносящего «прозу жизни» настолько, что смерть казалась настоящим освобождением, участием утонченного человека, который понимает бессмысленность того, что видит вокруг себя.

Этому во многом способствовало искусство, ставшее в романтизме одной из существенных основ мироустройства, – и, в первую очередь, конечно, та же литература (например, «Записки самоубийцы» М. Дюкана), а также сами литераторы в своей частной жизни. Тот же самый М. Дюкан в «Литературных воспоминаниях» описывает случай, когда Ульрик Гюттингер – поэт и писатель, «умеренный» романтик из круга французских романтиков «Сенакль», друг А. де Мюссе, – привез его, тогда еще 20-летнего юношу, в свое имение Шателе, расположенное в живописном лесистом месте, «откуда открывается вид на устье Сены, на море и на скалы» [10. С. 117]. А. де Мюссе, увидев все это, первым делом сказал о том, какое это «прекрасное место, чтобы покончить с собой» [10. С. 118].

Ш.Л. Луандр, французский историк и библиограф, сотрудничавший с 1842 по 1854 год с литературным журналом «La Revue des Deux Mondes» (до сих пор действующим), в статье «Поэзия с 1830 года» пишет о поэте-романтике как о психологе, «работающем со страдающими индивидуальностями, которые от прикосновения Манфреда получили какую-то неизлечимую и глубокую рану» [11. С. 978]. Манфред, герой одноименной драматической поэмы Дж. Г. Байрона, ставшей средоточием байроновского пессимизма, тоже продукт «романтического разочарования». Достаточно вспомнить строки из поэмы в переводе И.А. Бунина:

«Вы, груды скал, где я стою над бездной

И в бездне над потоком различаю

Верхи столетних сосен, превращенных

Зияющей стремниною в кустарник, –

Скажите мне, зачем над ней я медлю,

Когда одно движенье, лишний шаг

Навеки успокоили бы сердце

В скалистом ложе горного потока?» [12. С. 14], –

и становится понятно, что прикосновение этого героя будет означать только одно – предложение присоединиться к нему в его намерении.

В поэме Дж.Г. Байрона мы тоже видим перевод экзистенциальной проблематики в эстетическую плоскость. Манфред хочет прыгнуть в пропасть с вершины горы Юнгфрау, но даже в этот момент, исполненный таинства последнего мига, его занимает не предсмертное сосредоточение, а то, насколько прекрасны альпийские виды и насколько, по сути дела, его смерть тоже будет прекрасна. Ш.Л. Луандр же переводит этот предсмертный восторг из эстетической в аналитическую плоскость, показывая его как своего рода психическую болезненность.

Далее в статье «Поэзия с 1830 года» Ш.Л. Луандр описывает типологические признаки романтических героев в их совокупности: «Они одновременно мистики, разочарованные, мечтатели и проходимцы. Они разгульно пьют, губят женщин, произносят длинные тирады при луне и обычно заканчивают тем, что либо уходят в монастырь, либо совершают самоубийство» [11. С. 978].

Л.Э. Мегрон, профессор французской литературы университета г. Клермон-Ферран в 1909–1926 гг., автор известной книги «Романтизм и нравы» (1910), пишет в ней о двух формах болезни века, выделяя «неистовое возмущение, полное иронии и сарказма, а-ля Байрон, и самоубийство, с риторическим сопровождением или без него» [13. С. 312]. Мы видим здесь симбиоз романтической иронии – производного от ущербного мироощущения, вызванного надломом души, – и, собственно, суицида, которые здесь действительно выступают как две стороны одного целого. Почему? Дело в том, что

романтическая ирония представляет собой следствие невозможности преодоления одного из главных противоречий романтизма – несоответствия мира, которым грезит романтик, и мира, в котором ему приходится жить. Именно воображаемый мир начинает формировать романтическую сферу чувственного и бессознательного, – в противовес тому, что можно осознанно воспринимать как окружающую реальность. Но эта реальность настолько чужда романтику, что он начинает отторгать ее на всех уровнях своего восприятия, в первую очередь в социокультурном и аксиологическом планах, создавая параллельно свои собственные идеалы.

Отторжение социума как разумной среды обитания и взаимодействия, ревизия сложившейся в обществе мировоззренческой системы приводит к устойчивому желанию покинуть этот мир – в прямом или переносном смысле. Переносный смысл порождает особый тип отстраненного смирения, сопряженного с интеллектуально-насмешливым отношением ко всему, с чем романтику приходится сосуществовать, – это и есть основы романтической иронии. Более радикальный вариант – это уход из мира в прямом смысле. Таким образом, презрительное отношение ко всему осознанному и культивация всего бессознательного приводят многих представителей романтического культурного течения к выбору альтернатив: либо жизнь в состоянии иронического отношения ко всему, что происходит в мире, либо уход из жизни, чаще всего, по словам Л.Э. Мегрона, «с риторическим сопровождением» [13. С. 312].

Л.Э. Мегрон в своей работе приводит довольно интересный пример, относящийся к текстам политического либерального ежедневника «Le Constitutionnel», основанного в 1815 году, и к 30-м годам XIX века начавшего вести своего рода хронику самоубийств драматического толка – настолько их проблематика стала актуальной. Пик описания подобных суицидов пришелся на 1833–1836 гг., и Л.Э. Мегрон цитирует хронику одного из них, в которой описывается, как двое совсем молодых людей зашли в ресторан и, заказав дорогой обед, съели его, весело смеясь. Когда гарсон принес им счет, они попросили позвать хозяина заведения, которому сказали, что, к большому счастью, обед был превосходен, что этот обед у них последний, что у них нет ни гроша, чтобы заплатить, и что они решили положить конец горестям мира, недостойного их присутствия, уйдя из жизни с хорошей едой, смешав при этом яд и кофе. На следующий день их действительно нашли мертвыми в недавно снятом ими доме, также были обнаружены их предсмертные записки, в которых «повсюду было выражение стремления добиться славы без боли и труда, выражение презрения ко всем, кто соглашается зарабатывать себе на жизнь в поте лица, несколько цитат из Виктора Гюго и просьба опубликовать в газетах их имена и способ смерти» [13. С. 329]. В этой незамысловатой истории мы видим подтверждение тезиса Л.Э. Мегрона – здесь есть и суицид как конкретное действие, и риторика как его концептуальное объяснение.

Все примеры в данной статье относятся к французским реалиям, но тому есть существенное объяснение. Несмотря на то, что родовые признаки романтического мировоззрения одни, в национальных плоскостях они преломляются по-разному, и, в зависимости от этого, расставляют разные акценты. Феномен романтического суицида носит всеобщий характер, однако на французской почве он наиболее показателен, поскольку «болезненность», как таковая, стала преобладающей тенденцией именно там. Даже сам термин «болезнь века» («mal du siècle») – это чисто французское романтическое преломление, показывающее, что даже в отрицательных проявлениях концептуальности этого культурного течения есть своя собственная национальная артикуляция.

Немецкий вариант дает нам не болезнь, а скорбь («Weltschmerz»), и, хотя романтический суицид там имеет место как подражание гётевскому герою «Страданий молодого Вертера», а как своего рода эпигонство начал свое развитие с 1811 года, после суицида известного драматурга Генриха фон Клейста, – в культуре германского

типа не было подобного размаха. В английской среде феномен романтического суицида тоже носил гораздо менее масштабный и не такой декларативный характер. Английская писательница Ф. Треллоп в книге «Париж и парижане в 1835 году» отмечает, что большое количество молодых французов совершали в это время суицид только с одним мотивом – это надежда на то, что кто-то будет говорить о них после их смерти. Например, она приводит конкретный случай. Описывая одну из понравившихся ей картин, она сообщает о том, что это полотно «руки несчастного Леопольда Робера, который покончил с собой в Венеции почти сразу после того, как завершил ее» [14. С. 402]. Потом, правда, она пытается размышлять над подоплекой этого самоубийства, обращаясь к различным семейным и религиозным мотивам художника, но мы видим в его смерти типичную романтическую мотивацию.

Русский романтизм, во многом тяготея к английскому и немецкому вариантам романтического мировоззрения, был в плане суицида еще менее проявленным. Если говорить об отрицательных романтических тенденциях в русском варианте, то они в основном касаются переосмысления эстетических и чувственных основ романтизма, что ко второй половине XIX века порождает специфический синтез отрицания эстетики и усиления нигилистического начала, и это, в свою очередь, оформляется в отдельное мироощущение, приведшее к тому, что эстетика начинает восприниматься как одна из форм ложной морали и идеализма и, как следствие, – к тому, что, как описывает это М.Ф. Де-Пуле, «по лицу земли нашей распространились шайки интеллигентных разбойников обоюбого пола, пошедшие “в народ” с целью возбудить его к бунту против правительства и произвести всеобщую смуту» [15. С. 5].

Поэтому романтический суицид в его французском варианте дает нам более показательную иллюстрацию этого явления, когда изменение базовых принципов в структуре культуры меняет и отношение к жизни как к форме самопричинности бытия, с какой точки зрения мы ни пытались бы осмыслить этот феномен. Ведь если подходить к жизни с метафизической точки зрения, то мы видим дихотомию жизни и смерти, очень важную в культуре, восходящую к таинству того и другого. Человек тут причастен и к жизни, и к смерти, поскольку каждое из этих двух понятий архетипически соединяет его с вечностью. И на уровне семиотических систем мифологии, и на уровне знаков в культуре, имеющих содержательные функции, жизнь и сознание синонимичны в своей подлинности. По сути дела, ощущение жизни порождает культуру как таковую, без этого ощущения невозможны космос и хаос как категории и как основы экзистенциальной модели мира. С этого ощущения начинается мифология, которая выступает основой интерпретации человеком своего бытия, а это, в свою очередь, создает культуру как сознательное историческое творчество, из которого выходят мировоззренческие предпосылки, связанные со смыслами, ценностями и целями.

В негативных же проявлениях романтического течения в культуре миф перестает быть подлинностью бытия, которая смещается в область заведомо воображаемого, фантазийного, создавая новую мифологию, оторванную от космически-хаотической разделенности, в которой космизация хаоса выступает как утверждение жизни, а хаотизация космоса как утверждение смерти. Таким образом, выражая свой протест против просвещенческого понимания жизни как исключительно органического явления, имеющего отношение к законам причинно-механического мира, романтизм синтезирует в своей концептуальной среде отношение к жизни как к чему-то такому, что, согласно Р. Барту, превращается из смысла в форму, в которой «смысл уже завершен, им постулируется некое знание, некое прошлое, некая память – целый ряд сопоставимых между собой фактов, идей, решений» [16. С. 275]. Но не более того. То есть мы видим отход от связи и значений прежних смысловых конструкторов, что в культуре вполне возможно, но вместе с тем в этом отрицании мы не видим создания нового «означающего» в мифе. Миф сам по себе «лишь способ связи конструкторов разного

уровня» [17. С. 82], поэтому в данном случае мифология, как форма общественного сознания, имеет место. Но она начинает противоречить гомеостазису культуры, более тяготея к хаотическому разрушению чем к космическому созиданию, а это говорит о том, что происходит разложение мифа, превращение его «в пустую паразитарную форму» [16. С. 275].

Н.А. Бердяев в психологическом этюде «О самоубийстве», впервые вышедшем в 1931 году в Париже, указывает на самоубийства представителей русской эмиграции, говоря о том, что они «не выдерживают исторического испытания» [18. С. 5]. Выше приводились примеры суицидов 30-х годов XIX века, но мы видим, что и через сто лет феномен остался актуальным. Почему мы можем причислить самоубийства русских людей на чужбине к типу суицида, которому посвящена данная статья? Во-первых, наши соотечественники в дореволюционной ситуации пребывали в неоромантическом поле Серебряного века, в котором были воскрешены и переосмыслены многие романтические доктрины. А во-вторых, романтический суицид сформировал традицию, которая, пройдя через постромантические течения XIX века пришла в XX век уже устоявшейся формой решения проблем. Действительно, если мы проследим историю гонений в разных культурах в разные времена, мы не найдем там массовых суицидальных явлений. Те же русские люди, в своей истории претерпевшие множество гонений, никогда ранее не решали проблемы подобным образом (массовые самоубийства в старообрядчестве, совершаемые на религиозной почве, все-таки нужно оценивать по иным критериям).

В заключение можно сказать о том, что ситуация эстетического пессимизма в культуре, приведшая к появлению нового типа суицида, стала устойчивой и сформировала в дальнейшем, уже в массовой культуре XX века, традицию ухода из жизни, поставленную на поток, в которой множество людей повторяют действия друг друга с мотивацией, схематически восходящей к романтическому варианту. В этой связи проведение параллелей, анализ, сопоставление и выявление типологически сходных элементов современного эстетического суицида и его романтического аналога становятся важными – как для изучения этого феномена, так и для его профилактики.

Литература

1. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Суицид среди молодежи как социальная проблема в современной России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suitsid-sredi-molodezhi-kak-sotsialnaya-problema-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 01.09.2024).
2. Любов Е.Б., Магурдумова Л.Г., Цупрун В.Е. Суицидальное поведение пожилых // Суицидология. 2017. Т. 8. №1 (26). С. 3–16.
3. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с.
4. Тарасова М.В. Культура как система: основные тенденции исследования // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 7 (126). С. 136–143.
5. Лосев А.Ф. Две необходимые предпосылки для построения истории эстетики до возникновения эстетики в качестве самостоятельной дисциплины // Эстетика и жизнь /отв. ред. М.Ф. Овсянников. Вып. 6. М.: Искусство, 1979. С. 221–238.
6. Сапронов П.А. Путь в ничто. Очерки русского нигилизма. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. 400 с.
7. Саенко Н.Р. Концептуальные интерпретации нигитологии культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2011. 46 с.
8. Кудряшов С.В. Эстетическая оформленность суицида в контексте культуры // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 3. С. 169–175.
9. Сапронов П.А. О бытии ничто. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. 368 с.

10. Du Camp M. Souvenirs littéraires. Tome premier. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1892. 410 p.
11. Louandre Ch. Statistique littéraire – La poésie depuis 1830 // *Revue des Deux Mondes*. Paris 1842. Т. 30. Р. 971–1002.
12. Байрон Дж.Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1981. 496 с.
13. Maïgron L. Le Romantisme et les mœurs. Paris: Librairie H. Champion, Editeur, 1910. 508 p.
14. Trollope F. Paris and The Parisians in 1835: in 2 vol. Vol. I. London: Publisher in Ordinary to His Majesty, 1836. 418 p.
15. Де-Пуле М. Нигилизм как патологическое явление русской жизни. URL: <https://www.prlib.ru/item/429004> (дата обращения: 01.09.2024).
16. Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2023. 351 с.
17. Тхостов А.Ш. Культурно-историческая патопсихология. М.: Издательский дом «Канон+», 2020. 320 с.
18. Бердяев Н. О самоубийстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 24 с.

The Phenomenon of Suicide in Context of the Transformation of the Romantic Myth

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2024, 3 (94), 33–43.
DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-33-43

Sergei V. Kudryashov, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: skudr33@mail.ru

Keywords: romantic myth, suicide, culture, generic characteristics, system-forming elements of culture, aesthetic pessimism, homeostasis, structural changes in culture, nihilism.

The article examines issues related to the emergence of a special form of suicide in romanticism, and defines its typological difference. The article specifies structural changes that occurred in the system-forming elements of European-type culture due to the emergence of romantic tendencies; it reveals the connection between structural changes in culture and generic features of suicide in romantic mythology. The article analyzes and generalizes the problems. Based on specific examples, the problem is considered as a whole. The relevance of research in this area for the analysis and study of typologically similar modern suicidal situations is indicated. The European-type culture is considered as a structured homeostatic system that undergoes changes in the 19th century due to the peculiarities of the romantic cultural movement. In this regard, the dynamics of romanticism, which has various aspects, is considered. It is said that romanticism creates its own quasi-religious sphere, in which the concepts of good and evil are blurred, and chaos becomes a full-fledged component of the world content. This pessimistic situation leads to a reevaluation of values, to the emergence of mass nihilism and, as a consequence, to the emergence of a new type of suicide. That is, the typology of romantic suicide can be defined as a voluntary departure from life, determined by the parameters of structural changes in culture, which are associated with the violation of semantic orientations. The study of romantic suicide is important because some variants of suicide in modern times typologically go back to the romantic. Drawing parallels gives us the opportunity to compare, analyze and identify typologically similar elements of suicide for its prevention.

References

1. Sadykov, R.M. & Bolshakova, N.L. (2019) *Suitsid sredi molodezhi kak sotsial'naya problema v sovremennoy Rossii* [Youth suicide as a social problem in modern Russia]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/suitsid-sredi-molodezhi-kak-sotsialnaya-problema-v-sovremennoy-rossii> (Accessed: 01.09.2024).

2. Lyubov, E.B. & Magurdumova, L.G. & Tsuprun, V.E. (2017) Suitsidal'noe povedenie pozhilykh [Suicidal behavior in the elderly]. *Suitsidologiya – Suicidology*. Vol. 8. 1 (26). pp. 3–16.
3. Shneidman, E. (2001) *Dusha samoubiytsy* [Soul of a suicide]. Moscow: Smysl.
4. Tarasova, M.V. (2011) Kul'tura kak sistema: osnovnye tendentsii issledovaniya [Culture as a system: main research trends]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Orenburg State University*. 7 (126). pp. 136–143.
5. Losev, A.F. (1979) Dve neobkhodimye predposylki dlya postroeniya istorii estetiki do vzniknoveniya estetiki v kachestve samostoyatel'noy distsipliny [Two necessary prerequisites for constructing the history of aesthetics before the emergence of aesthetics as an independent discipline]. In: Ovsyannikov, M.F. (ed.) *Estetika i zhizn'* [Aesthetics and life]. Vol. 6. pp. 221–238.
6. Sapronov, P.A. (2010) *Put' v nichto. Ocherki russkogo nigilizma* [The Path to Nothingness. Essays on Russian Nihilism]. Saint Petersburg: Publishing center “Humanitarian Academy”.
7. Saenko, N.R. (2011) *Kontseptual'nye interpretatsii nigitologii kul'tury* [Conceptual Interpretations of the Nigitology of Culture]. Philosophy Dr. Diss.
8. Kudryashov, S.V. (2012) Esteticheskaya oformlennost' suitsida v kontekste kul'tury [Aesthetic design of suicide in the context of culture]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. Vol. 13. 3. pp. 169–175.
9. Sapronov, P.A. (2011) *O bytii nichto* [About the Being of Nothing]. Saint Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy.
10. Du Camp, M. (1892) *Souvenirs littéraires. Tome premier*. Paris: Librairie Hachette et Cie.
11. Louandre, Ch. (1842) Statistique littéraire – La poésie depuis 1830. In: *Revue des Deux Mondes*. Vol. 30. pp. 971–1002.
12. Byron, J.G. (1981) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Pravda.
13. Maigrón, L. (1910) *Le Romantisme et les mœurs*. Paris: Librairie H. Champion, Editeur.
14. Trollope, F. (1836) *Paris and The Parisians in 1835: in 2 vol.* Vol. I. London: Publisher in Ordinary to His Majesty.
15. De-Pule, M. (1881) *Nigilizm kak patologicheskoe yavlenie russkoy zhizni* [Nihilism as a pathological phenomenon of Russian life]. [Online] Available from: URL: <https://www.prilib.ru/item/429004> (Accessed: 01.09.2024).
16. Bart, R. (2023) *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
17. Tkhostov, A.Sh. (2020) *Kul'turno-istoricheskaya patopsikhologiya* [Cultural-historical pathopsychology]. Moscow: Publishing house “Canon+”.
18. Berdyaev, N. (1992) *O samoubijstve* [About suicide]. Moscow: Moscow University.

УДК 008:82

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-2-43-51

В.Ю. Пустовит

**«СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ» М. МАТУСОВСКОГО
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ МЕМУАРИСТИКИ**

Творчество М.Л. Матусовского, уроженца Луганска, одного из самых известных поэтов-песенников прошлого столетия, исследовано недостаточно,